

История СССР за рубежом

ЮБИЛЕЙ ОКТЯБРЯ И БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Ю. И. ИГРИЦКИЙ

Как и сами революции, юбилей революций пролагают в общественном мнении незримую грань, по одну сторону которой группируются их сторонники, по другую — враги. Горечь и неприязнь, бушевавшие последних все сильнее по мере утраты иллюзий на восстановление старых режимов, изливаются в особенно явных и резких формах в те моменты, когда революции, торжествуя, подводят итог своему бытию, своей созидательной работе. Именно с таким всплеском темных страстей мир имел дело в юбилейный, пятидесятый год Советской власти. Пресса капиталистических стран вела широкую кампанию с целью преуменьшить исторический опыт первой страны социализма, принизить ее достижения. Как писала американская газета «Стейтс айтем», «все массовые средства информации в свободном мире должны сообщать провети это «контрпразднование» рождения коммунизма, и никакие крайности в его осуждении не должны считаться порочными»¹. Разумеется, буржуазная печать была вынуждена признавать (и таких признаний было немало) неоспоримые достижения СССР в экономике, культуре, науке, возрастающее влияние социализма на мировую политику. Но в целом, помещая материалы, посвященные пятидесятилетию Советской власти, она руководствовалась установками, подобными приведенной выше.

Подчеркнем сразу же: к антисоветской кампании в широкой прессе оказались причастными и многие буржуазные историки, социологи, философы. В газетах и общественно-политических журналах в связи с полувековым юбилеем Великой Октябрьской социалистической революции не раз выступали маститые авторы, обладающие немалым опытом исторического исследования². Во-вторых — и это главное, — все основные «идеи», с помощью которых буржуазная печать пыталась низложить коммунизм в глазах миллионов читателей, представляли не что иное, как более простое и грубое изложение разного рода концепций и тезисов, давно принятых на вооружение буржуазной историографией. В-третьих, в «контрпраздновании» юбилея Октября на Западе приняли активное участие научные журналы и издательства, выпустившие целый ряд книг о социалистической революции в России³.

¹ Цит. по: «За рубежом», 1967, № 39, стр. 8.

² Напр., в приложении к «Нью-Йорк Таймс» была помещена ст. Э. Крэнкшоу. «Переворот, который изменил мир» («The New York Times Magazine», 19 February 1967, p. 100). См. также статьи Р. Арова («Figaro Litteraire», 1967, № 1125, pp. 6—9), Р. Левентала («Encounter», 1967, October, pp. 21—31), С. Хука («Problems of Communism», 1967, vol. 16, No. 2, pp. 76—79) и др.

³ Отметим, например, книги (они не будут рассматриваться ниже): I. Deutscher. The Unfinished Revolution, Russia 1917—1967, Lnd., 1967; W. Laqueur. The

Сразу же, однако, и оговоримся: далеко не вся продукция, вышедшая из-под пера профессиональных историков в минувшем году, несет на себе клеймо тех императивов «контрпразднования», которые предписывали использование любых средств для очернения СССР и социалистического общества. Ряд авторов, чьи исходные позиции характеризуются неприятием марксизма-ленинизма и приверженностью идеям и методологии буржуазной историографии, чьи симпатии и антипатии безусловно, ставят их по «ту» сторону баррикад, тем не менее пытались — в меру своих возможностей — отойти от упрощенной атикоммунистической трактовки событий 1917 г. в России; в работах этих авторов можно встретить положения, которые вряд ли пришлись по душе пропагандистам из «Стейтс айтем» и их духовным братьям в академических кругах Запада.

В одной статье нет возможности охватить всю огромную массу литературы, вышедшую в капиталистическом мире в канун пятидесятилетия Октября. Немалая часть этой литературы относится не только к Февральской и Октябрьской революциям, но ко всей полувековой истории Советского общества. Оценки социалистической индустриализации и коллективизации, Великой Отечественной войны и послевоенного развития СССР, содержащиеся в работах западных авторов, дают выпуклое представление о характерных для современной буржуазной историографии тенденциях. Не касаясь этих оценок и не претендуя на полный «спектральный анализ» буржуазной историографии, попробуем выявить некоторые наиболее типичные черты «юбилейной» литературы на примере освещения вопросов революций 1917 г. в ряде работ, опубликованных в США и Англии⁴.

1. Возрождение мифов полувековой давности

В ряде работ советских историков справедливо отмечалось, что современная буржуазная историография, как правило, использует, лишь слегка видоизменяя, концепции, родившиеся в идейном инкубаторе политических противников большевизма еще полвека тому назад, и даже ранее⁵. Такое «замыкание круга» нагляднее всего свидетельствует о кризисе буржуазной исторической мысли, стремящейся постичь и объяснить причины и ход первой в мире социалистической революции. Казалось бы, есть из чего извлечь уроки за полувековой период. Однако, как это часто случается в подобных кризисных ситуациях, выход из тупика ищут не в углублении и расширении исторического анализа, а в доведении старых приемов до абсурда. Крайнюю реакцию не устраивают полумеры и модификации, практикуемые более умеренными представителями идеологической армии буржуазии. Под лозунгом «Все или ни-

Fate of the Revolution. Interpretations of Soviet History, Lnd., 1967; R. Daniels. The Nature of Communism. N. Y., 1967; J. Swettenham. Allied Intervention in Russia, 1918—1919, Lnd., 1967; Israel Getzler. Martov. A Political Biography of a Russian Social-Democrat, Meltabourne, 1967; Ian Grey. The First Fifty Years. Soviet Russia, 1917—1967, Lnd., 1967. Вышли или готовятся к изданию книги Ф. Баргурна о политическом строе в СССР и С. Шварца о первой русской революции, а также сборник статей (Тойнби, Ситон-Уотсона, Уайлза, Р. Левенталя и др.) о влиянии Октября на другие страны.

⁴ Буржуазной историографии событий 1917 г., вышедшей в последнее время, посвящены статьи А. О. Чубарьяна («Вопросы истории», 1968, № 1, стр. 89—96); В. И. Салова («Вопросы истории», 1967, № 11, стр. 192—200); см. также более общие статьи Н. В. Наумова («История СССР», 1968, № 1, стр. 178—194); Н. Н. Яковлева («Мировая экономика и международные отношения», 1967, № 9, стр. 130—139).

⁵ См. Ю. Ф. Карякин, Е. Г. Плимак. Мистер Кон исследует «русский дух», М., 1961, а также статьи А. О. Чубарьяна («Вопросы истории», 1968, № 1, стр. 89—96; Ю. Ф. Карякина («История СССР», 1958, № 3, стр. 209—217); В. З. Дробинжева («История СССР», 1959, № 2, стр. 216—223); И. П. Шаскольского («История СССР», 1960, стр. 223—236); Н. Н. Демочкина («История СССР», 1966, № 5, стр. 182—195); Г. З. Иоффе («История СССР», 1967, № 2, стр. 137—159).

чего!» она бросается на штурм бастионов марксизма-ленинизма, вооруженная все теми же старыми концепциями, наиболее несостоятельные и субъективные элементы которых не маскируются, а поднимаются на щит. Конечно же, этот гипертрофированный антикоммунизм не может отказать себе в претензии на историографическое «новаторство» и объявляет свои изыскания вершиной исторической мысли, не только охаявая советскую историческую науку, но и отвергая другие направления в лоне самой буржуазной науки.

Наиболее яркий пример продукции подобного рода — книга Г. Каткова «Россия в 1917 году. Февральская революция». Уже во введении автор, уроженец Москвы, получивший образование в эмиграции и ныне преподающий русскую историю в Оксфордском колледже Св. Антония, недвусмысленно дает понять, что намерен произвести сенсацию в историческом мире. «История русской революции 1917 г. попала в колдовские сети бессознательного извращения и сознательной фальсификации и подверглась порче более, чем любое другое событие современной истории», — заявляет Катков⁶. Нетрудно догадаться, что в «бессознательном извращении» он обвиняет своих коллег, а в «сознательной фальсификации» — советских историков. Каких только грехов он не обнаруживает у последних — тут и «мифомания», и «искажение свидетельств», и «подавление правды». Поскольку, однако, Катков не приводит ни одного примера в подкрепление своих обвинений, читателю, естественно, приходит в голову, что его атакующий пыл призван прежде всего оправдать собственные амбиции. И действительно, двумя страницами ниже Катков объявляет, что намерен предпринять «тщательное исследование до сих пор не рассмотренных аспектов русской революции» с целью «пролить свет не некоторые темные стороны» истории этой революции.

Какие же «нерассмотренные аспекты» рассматривает Катков, на какие «темные стороны» он «проливает свет»? Здесь впору вспомнить об одной истории двенадцатилетней давности. В 1956 г. Катков, которого уже тогда манили лавры антикоммунистического «новаторства», опубликовал «документ», который, по его мнению, мог оживить давно опровергнутую версию Временного правительства о большевиках как «немецких агентах»⁷. Хотя вылазка Каткова и вызвала заметное оживление в крайне правых кругах, поднявших очередной антикоммунистический бум, никто из серьезных буржуазных историков не попался на эту удочку. Ныне Катков воспроизводит версию о «немецких деньгах» гораздо более многословно, по существу делая ее центральной в своей книге, — но ровно ничего нового к старой «аргументации» он не добавляет и добавить не может⁸. Научная беспомощность Каткова (и тех буржуазных историков, которые склонны следовать за ним⁹) особенно наглядна в той части его «труда», где он одной из основных причин Февральской революции объявляет... немецкую политику «революционизирования» России. Разглагольствования автора вкратце сводятся к тому, что через посредство небезызвестного Гельфанда (Парвуса) и «многочисленных» агентов последнего германский империализм субси-

⁶ George Katkov, *Russia 1917. The February Revolution*, Lnd., 1967, p. XV.

⁷ «International Affairs», April 1956.

⁸ Убедительное опровержение модернизированного Катковым мифа о «немецких деньгах» содержится в книге историка ГДР Арнольда Рейсберга «Ленин в 1917 году» (R. Reisinger, *Lenin im Jahre 1917*, Berlin, 1967).

⁹ Подвизающийся в США С. Пушкарев уверяет, что «немецкое субсидирование» русского революционного движения началось еще в 1915 г., а в 1917 г. «значительно усилилось» («Russian Review», January 1967, p. 84). Лживой версии Каткова и З. А. Б. Земана (Z. A. B. Zeman, *Germany and Revolution in Russia, 1915—1918*, Lnd., 1958) верит гарвардский профессор А. Юлэм (см. «Survey», July 1967, p. 3); «предметом для раздумий» ее считает У. Чемберлин («Russian Review», January 1967, p. 5).

дировал едва ли не все стачечное движение в России в 1916 г. и начале 1917 г. и таким образом вызвал крах самодержавия вместе с последующим развитием революции!¹⁰. Не касаясь инсинуаций Каткова о связях Парвуса с большевиками (на этот вопрос в свое время дал ясный ответ В. И. Ленин¹¹), отметим, что достаточно поставить три простых вопроса, чтобы понять всю абсурдность построений автора: 1) могли ли «агенты» Парвуса, как бы «многочисленные» они ни были (а сколько их было, не знает и сам Катков), возбудить ВСЕ мощное забастовочное движение во ВСЕЙ России, включая центральный промышленный район, Донбасс, Урал и Закавказье, если учесть, что лишь в январе—феврале 1917 г. бастовало 676 тыс. рабочих?¹²; 2) если все эти забастовки финансировались Германией, то каким образом, скажем, только в сентябре 1915 г. (когда, по Каткову, Германия еще не приступила к широкому осуществлению плана «революционизирования» России) бастовало не менее 250 тыс. рабочих (эти данные, кстати, неполны)?¹³; 3) как же, наконец, объяснить крестьянские волнения¹⁴, усиление революционного брожения в царской армии¹⁵, восстание в Средней Азии летом—осенью 1916 г.?

Так обстоит дело с «теоретическими» выкладками Каткова. Что касается его «доказательств», то они настолько нелепы, что автору постоянно приходится делать оговорки и напускать туману, дабы запутать читателя, а в одном месте он прямо признает, что в архивах германского МИД нет данных о деятельности германской агентуры в России¹⁶.

На дешевую сенсацию рассчитана и попытка Каткова «осветить» другой «темный угол» русской истории. Главными врагами самодержавия внутри России, подготовившими его крах, были... русские либералы, создавшие к осени 1915 г. «масонское общество» во главе с Коноваловым, Терещенко и Гучковым, связанными с Керенским, Некрасовым, Прокоповичем,—таков второй лейтмотив книги Каткова. Здесь,

¹⁰ Катков утверждает, стремясь придать больше веса своей версии, что советские историки «хранят удивительное молчание» по поводу стачечного движения в этот период (стр. 95). Однако ему должны быть известны такие работы, как: А. П. Т а н я е в. Рабочее движение на Урале в годы империалистической войны, М., 1931; И. Т. Щ е р б и н а. Рабочий класс и его революционная борьба в 1914—1917 гг., Киев, 1963; В. Я. Л а в е р ы ч е в. Рабочее движение в Иваново-Вознесенске в годы первой мировой войны, М., 1957; И. И. М и н ц. Революционная борьба пролетариата в России в 1914—1916 гг. «Вопросы истории», 1959, № 11, 12; И. П. Л е й б е р о в. О возникновении революционной ситуации в России в годы первой мировой войны. «История СССР», 1964, № 6; е го ж е. Стаечная борьба петроградского пролетариата в период первой мировой войны (в сб. «История рабочего класса Ленинграда», вып. 2, Л., 1963). Обобщенные данные о стачечном движении в России в 1914—1917 гг. можно найти в первом томе фундаментального труда акад. И. И. Минца «История Великого Октября». (Т. I. «Свержение самодержавия», М., 1967, стр. 341—385). Катков расписывается не только в неприязни к марксистской историографии, но и в незнании ее.

¹¹ В. И. Л е н и н. ПСС, т. 34, стр. 6, 30—31.

¹² «Рабочее движение в 1917 году», М.—Л., 1926, стр. 22.

¹³ См. И. И. М и н ц. История Великого Октября, т. I, стр. 363.

¹⁴ О размахе и характере крестьянского движения в этот период см. сб. док. «Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны, июль 1914—февраль 1917 гг.», М.—Л., 1965; см. также А. М. А н ф и м о в. Российская деревня в годы первой мировой войны, М., 1962, стр. 339—369.

¹⁵ Хотя этот вопрос изучен далеко не достаточно, советская историография и здесь располагает рядом работ. См. М. А х у н, В. П е т р о в. Царская армия в годы империалистической войны, М., 1929; О. Ч а а д а е в а. Армия накануне Февральской революции, М., 1935; Е. И. М а р т ы н о в. Царская армия в Февральском перевороте, Л., 1927; А. П. Ш е л ь б с к и й. Большевицкая пропаганда и революционное движение на Северном фронте накануне 1917 г. «Вопросы истории», 1947, № 1. См. также раздел «Революционизирование царской армии» в первом томе «Истории Великого Октября» И. И. Минца (стр. 415—436) и сб. док. «Разложение армии в 1917 г.», М.—Л., 1925; «Революционное движение в армии и флоте. 1914 г.—февраль 1917 г.», М., 1966.

¹⁶ G. K a t k o v. Op. cit., p. XVII.

естественно, он также не в состоянии привести хоть какие-нибудь доказательства и в конце концов опровергает сам себя, признав, что вышеназванные «масоны» не только не имели отношения к февральскому восстанию 1917 г. в Петрограде, но и были захвачены им врасплох¹⁷.

В целом книга Г. Каткова, изобилующая нелепыми гипотезами, игнорирующая очевидные факты, сумбурно написанная, могла только сослужить плохую службу инициаторам прошлогодного «контрпразднования». Не стоит удивляться, что даже некоторые буржуазные ученые отнеслись к ней критически. «Из многих публикаций о революциях 1917 г., вышедших и выходящих в свет в юбилейном году, лишь немногие могут сравниться с работой Г. Каткова по степени амбиции», — писал преподаватель Бруклинского колледжа (Нью-Йорк) А. Ашер на страницах журнала «Survey», стоящего в первых рядах идеологической борьбы против коммунизма¹⁸. Далее рецензент характеризовал версию Каткова как «весьма предвзятую, одностороннюю и необидительную» и констатировал: если теория стихийности Февральской революции «прикрывает наше невежество» (этот упрек Катков мимоходом бросил в адрес своих коллег), то теория самого автора «прикрывает его незнание истории русского рабочего движения».

Эту последнюю характеристику с полным правом можно было бы отнести еще к ряду вышедших на Западе «юбилейных» работ. Подчеркиваем, в данном случае речь идет не только об ошибочном или предвзятом толковании предыстории Октябрьской революции, а также о ее незнании. Ибо ничем иным нельзя объяснить, например, возрождение — вслед за версией Алексинского — Керенского — Сиссона о «немецких деньгах» — версии о «плохом царе», которую в свое время кадеты и их лидер Милюков выдвигали для объяснения Февральской революции. Собственно тот же Катков использовал ее в своей книге для «полноты картины», разве что отведя ей вторую роль по сравнению с указанными выше «новаторскими» тезисами. Правда, и здесь, движимый стремлением внести в историографию что-нибудь «свое», Катков переиначивает легенду о «тупости» Николая II, объявляя последнего «святым» по натуре («the Emperor's character was saintly»). Оказывается, именно «святость» царя, его идеализм и «принципиальность» исключили возможность сделки с либеральной буржуазией в 1917 г. и вызвали «социальную катастрофу»¹⁹.

Точно те же мотивы пронизывают книгу «Николай и Александра», вышедшую в прошлом году в США. Ее автор Роберт Мэсси — не историк, а журналист, долгое время сотрудничавший в журналах «Saturday Review», «Newsweek», «The New York Times Magazine». Однако Мэсси начитался исторической литературы и раздул «житие» четы последних русских самодержцев до пятисот с лишним страниц — объем, которому может позавидовать серьезное историческое исследование. Он пытается воссоздать социальный фон правления Николая II, говорит о политических партиях России, но делает это с крайним дилетантизмом (эпиграфом к введению в книгу он избрал слова Керенского: «Без Распутина не было бы Ленина»). Не удивительно, что книгу Мэсси венчает следующий вывод, вынесенный издателями на суперобложку, дабы читатель не пропустил его, увязнув в описании личной жизни последних Романовых: «Пойдя на уступки жене, борясь за спасение самодержавия и отвергая все требования создать ответственное правительство, Николай сделал неизбежными революцию и триумф Ленина»²⁰. Мэсси род-

¹⁷ Ibid., p. 172.

¹⁸ «Survey», October 1967, p. 108.

¹⁹ G. Katkov. Op. cit., pp. 357—358.

²⁰ Robert K. Massie. Nicholas and Alexandra, N. Y., 1967, p. 506.

нит с Катковым и идеализация личных качеств царя²¹, но в еще большей степени — обращение к давно отброшенным наукой мифам. Из этих мифов Мэсси выбрал версию о гемофилии единственного сына Николая II как причине Февральской революции, версию, выдвинутую еще Пьером Жилляром, наставником царевича Алексея²². Мэсси специально изучил восемь специальных медицинских трудов по гемофилии (!) и вынес следующий вердикт: «Болезнь царевича бросила тень на весь последний период правления Николая II, и только она объясняет этот период... Она была одной из главных причин его падения, ибо сделала возможным появление Распутина (без которого, как мы уже знаем, «не было бы» Октябрьской революции.— Ю. И.) и привела к фатальной изоляции правителей»²³.

Нужно ли доказывать, что и историк Катков и журналист Мэсси по качеству своих «научных» изысканий стоят на одном, крайне далеком от науки уровне? Думается, что многим буржуазным ученым хотелось бы ныне сделать вид, что книг Каткова и Мэсси не существует или, по крайней мере, выставить их за пределы круга респектабельных авторов. Но не слишком ли много персоналий окажется вне этого круга?

Откроем «Введение в русскую историю», принадлежащее перу Николая Чировского, профессора университета Ситон-Холл (США). История второй и третьей русских революций истолковывается Чировским исключительно в духе концепции «коммунистического заговора», которым реакция объясняла и объясняет не только Октябрь, но и все революционные процессы в современном мире. В февральские и мартовские дни 1917 г., пишет Чировский, «бездельничавшие и плохо снабжаемые солдаты тыловых частей оказались явно восприимчивыми к большевистской агитации»²⁴. Знакомый кадетский мотив в словесном облачении, почти буквально повторяющем тезис изданной в 20-х гг. во Франции книги эмигранта Б. Нольде²⁵! Дальше в лес — больше дров. Большевистские лозунги немедленного мира, передачи помещичьей земли крестьянам, а власти Советам Чировский именует «подрывной деятельностью», которая вызвала «дезинтеграцию» армии и развал экономики страны²⁶. Массовую демонстрацию в Петрограде в июле 1917 г. он вслед за Керенским объявляет попыткой большевиков совершить «преждевременную революцию», хотя общеизвестно, что большевики считали вооруженное выступление масс в это время преждевременным²⁷; по его мнению, «престиж Временного правительства упал из-за коалиции с социалистами», хотя Временное правительство никогда не пользовалось популярностью в народе, а доверие трудящихся было уте-

²¹ Хотя Николай II не был «великим царем», пишет Мэсси, он обладал «выдающимися человеческими качествами» — добротой, любовью к семье, детям; в Англии он стал бы «обожаемым монархом». Как случилось, недоумевает взявшийся за историю журналист, что Петр I, замучивший своего сына, именуется Великим, а Николай II, «чья рука была легче руки любого его предшественника», звался «Кровавым»? (стр. IX).

²² См. Pierre Gilliard. Le tragique destin de Nicolas II et de sa famille, Paris, 1921.

²³ R. Massie. Op. cit., p. VII.

²⁴ Nicholas Fr.-Chirovsky. An Introduction to Russian History, N. Y., 1967, p. 160.

²⁵ См. B. Nolde. Ancien régime et la révolution russe, Paris, 1928. Книга Нольде была переиздана во Франции в 1948 г.

²⁶ N. Chirovsky. Op. cit., pp. 162—163.

²⁷ Надо надеяться, что западный читатель поверит в этом вопросе не Чировскому, а английским историкам Л. Кочену, который указывает, что «большевистский ЦК... пытался предотвратить демонстрацию, а затем, когда это оказалось невозможным, придал ей настолько можно мирный и организованный характер» (L. Kochan. Russia in Revolution, 1890—1918, N. Y., 1966, p. 246), и Ш. Джонс, которая пишет, что «большевики не подстрекали» народ к июльской демонстрации (Sheila Jones. A Student's History of Russia, Lnd., 1966, p. 158).

ряно меньшевиками и эсерами из-за их антинародной соглашательской политики.

На примере книг Каткова, Мэсси и Чировского можно определить первую характерную черту «контрпразднования» юбилея Октября на Западе: извлечение из историографической «лавки древностей» наиболее ветхих, наиболее субъективистских и ненаучных концепций и «обновление» их путем доведения до абсурда тех самых крайностей, о которых писала газета «Стейтс айтем». Эти абсурдные крайности лишний раз свидетельствуют, что ярый антикоммунизм за пятьдесят лет ничего не понял и ничему не научился. Если перефразировать Козьму Пруткову, то можно сказать, что современные «бароны фон Гринвальдусы» буржуазной историографии сидят «все в той же позиции», что и их идейные предшественники полвека назад.

2. Антикоммунизм переносит огонь

Было бы, однако, ошибкой считать, что современный антикоммунизм целиком черпает свои идеи в духовном наследии реакции времен революций 1917 г. Так называемая теория «тоталитаризма» родилась в 30-е годы, а свое «законченное выражение» нашла двадцать лет спустя, в разгар «холодной войны»²⁸. Не в состоянии предложить сколь-нибудь удовлетворительное объяснение происходящих в обществе процессов, в том числе и величайшей социальной революции XX в., какой явился Октябрь, антикоммунизм тем не менее оперативно реагирует на события современности. И здесь можно наблюдать любопытное явление: столкновение крайнего антикоммунизма с более умеренным по важнейшим вопросам определения всей линии поведения по отношению к СССР и социалистическим странам. Эти вопросы имеют непосредственное касательство и к историографии.

В последнее время в той сфере буржуазной политики и идеологии, которая непосредственно занята проблемами, связанными с необходимостью дать какой-то ответ «советскому вызову» со стороны капиталистического мира, весьма остро сталкиваются два направления: призывы примириться с существованием социалистического лагеря и мирового коммунизма; требования вести активные наступательные действия по принципу, который в своем крайнем выражении звучит так: «лучше быть мертвым, чем красным». Обе тенденции, конечно, диктуются стремлением к самосохранению, понимаются по-разному лишь пути к самосохранению. Целый ряд буржуазных философов и историков, представляющих первое направление, пришел к выводу, что в существующих условиях капитализму невыгодно полярное противопоставление социализму, подобное тому, какое проводилось в 20-х и 30-х годах, когда Советский Союз изображался «колоссом на глиняных ногах» и капиталистический мир еще жил надеждами на реставрацию в нем старого режима. Ныне преимущества социализма как общественного строя, экономические, культурные и научно-технические достижения СССР и стран социалистического содружества настолько очевидны для народов мира, настолько привлекательны для тех государств, которым еще предстоит выбрать путь развития, что капитализму гораздо выгоднее выискивать точки соприкосновения с социализмом, в какой-то мере маскироваться под него, нежели безоговорочно отрешиваться, как это было ранее²⁹. Именно понимание привлекательности социализма в глазах

²⁸ См. «Totalitarianism, Proceedings of a Conference Held at the American Academy of Arts and Sciences», Cambridge, Mass., 1954; C. J. Friedrich, Z. K. Brzezinski. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*, Cambridge, Mass., 1956.

²⁹ «Те или иные идеалы, выдвинутые коммунизмом, переносятся на будущее капитализма, объявляются целью развития данного строя», — отмечает Ю. А. Арбагов в статье «Краденые лозунги» («Коммунист», 1965, № 5, стр. 119).

миллионных человеческих масс вызвало к жизни так называемую теорию «конвергенции», иначе говоря сближения двух систем, согласно которой в конце концов неизбежен их синтез.

Здесь нет возможности дать сколько-нибудь подробный критический анализ аргументации апологетов теории «конвергенции», — она, на наш взгляд, должна стать предметом специального серьезного разбора³⁰. Укажем лишь, что крайняя реакция, представляющая второе направление, стремится низвергнуть эту теорию, ибо для нее даже частичное и подсознательное признание преимуществ социалистической системы перед капиталистической равносильно идейному самоубийству. К сторонникам второго направления относятся многие советоведы. Небезызвестный Бертрам Вольф, бывший коммунист, ставший, как это часто бывает с ренегатами, ярким антисоветчиком, заявил о своем «глубоком возмущении» писаниями «бездущных коллег», которые отстаивают теорию «конвергенции»³¹. Профессор Чикагского университета Джесс Кларксон назвал ее «абсурдной»³².

Для правого крыла советоведения, упрекающего «центр» за выискивание черт, якобы свидетельствующих о возможном будущем «слиянии» капитализма и социализма, в последнее время особенно характерна тенденция, которую можно условно назвать «стратегическим переносом огня» и которая заключается в следующем.

Как известно, критика культа личности И. В. Сталина была использована международной реакцией для ожесточенных нападок на Советский Союз и КПСС в целях раздувания «холодной войны». Но постепенно представители самых различных слоев населения на Западе, поддавшиеся влиянию антикоммунистической истерии, начали понимать, что социалистическое общество характеризуется отнюдь не теми ошибками и нарушениями демократии, которые были следствием культа личности; что КПСС обладает достаточной мудростью, принципиальностью, настойчивостью, чувством глубокой ответственности перед советским народом, чтобы исправить эти ошибки.

Вот это-то и привело в бешенство Вольфа и крайне правые антикоммунистические круги, стоящие на одной с ним позиции. Их целевая установка постепенно, но верно стала меняться. Теперь она предписывала перенести акцент со всемерного выпячивания и преувеличения ошибок времен культа личности Сталина (что перестало достигать своей цели) на *абсолютное* очернение всего социалистического строя *как такового*. Перед реакционными историками была поставлена задача: обратить особое внимание на период Октября и первого послеоктябрьского десятилетия, «доказать», что так называемые «теневые стороны» социализма сложились уже тогда, с самого начала становления Советского государства, а в «потенциале» существовали еще ранее. Как риторически вопрошает профессор Гарвардского университета Адам Юлэм, «не являются ли в действительности перегибы партийной линии и вредное наследие сталинизма неизбежным результатом самой революции?»³³.

Несколько лет назад эта целевая установка нашла весьма яркое воплощение в изданной журналом «Лайф» книге «Смысл коммунизма», которую нельзя назвать иначе как проповедью воинствующего антикоммунизма и антисоветизма. В этой книге коммунистам всех стран и большевикам в особенности приписывались намерения «уничтожить все

³⁰ Частично теория «конвергенции» подвергается разбору, например, в работах Ю. А. К р а с и н а «Ленинская теория социалистической революции и буржуазные критики» («Вопросы истории КПСС», 1965, № 7) и Е. Мод р ж и н с к о й «Тихий антикоммунизм» («Международная жизнь», 1967, № 8).

³¹ «Russian Review», April 1967, p. 118.

³² «Russian Review», October 1967, p. 369.

³³ A d a m B. U l a m. Reflections on the Revolution, «Survey», July 1964, p. 5.

свободы, лелеемые свободным миром», утвердить свою власть «насилиям», неразборчивость в средствах, способность к «обману и предательству». Октябрьская революция объявлялась делом рук одного единственного человека — В. И. Ленина³⁴.

Советские историки уже отмечали, что подчеркивание буржуазными советоведами роли В. И. Ленина в подготовке и проведении Октябрьской революции, как правило, не имеет ничего общего со стремлением создать объективную картину самой революции и достоверный образ ее вождя³⁵. Знакомясь с работами этих авторов, неискушенный читатель сначала склонен удивляться их высокой оценке деятельности Ленина. Но затем становится ясным, что эта оценка имеет обратную, далекую от дани уважения, сторону; она служит нечистой цели отрицания народного характера Октябрьской революции, противопоставления большевистской партии массам, а в определенной степени и противопоставления В. И. Ленина партии.

Перед нами вышедшая в прошлом году книга профессора университета штата Оклахома (США) Стюарта Рамсея Томпкинса с ошеломляющим названием: «Триумф большевизма; революция или реакция?». Идея этого названия подсказана Церетели, который, тисая реабилитировать обанкротившийся меньшевизм, перевернул с ног на голову всю историю Октября и объявил, что приход к власти большевиков вызвал «контрреволюцию» в России³⁶; основной «аргумент» в пользу своей концепции автор почерпнул у Прокоповича, утверждавшего, что русский народ можно держать в узде только с помощью силы и «абсолютной власти»³⁷. Задача Томпкинса, таким образом, сводилась к тому, чтобы влить новое вино в меньшевистско-кадетские мехи. Но этот старый и многоопытный историк, сделавший первые шаги в россиеведении еще до 1917 г., всего-навсего воспроизвел (прикрыв призрачной вуалью наукообразности) основные антикоммунистические выпады книги, изданной «Лайфом» пять лет назад. Томпкинс приписывает Ленину некую личную «жажду власти» и убеждение в том, что цель оправдывает средства³⁸.

Можно ли представить более гнусную клевету в адрес человека, о чьей идейной чистоте, скромности и непритязательности заявляли в один голос все его современники, включая идейных противников?

Политическая цель Томпкинса предельно ясна — он сам формулирует ее в первой главе, названной «Две цивилизации» и целиком начиненной рассуждениями о полярной противоположности «азиатского» и «европейского» путей развития. Отождествляя социализм с «Востоком» («деспотизм»!), а капитализм с «Западом» («демократия»!), автор стремится вызвать у читателя подозрительность, недоверие, вражду ко всему, что возникло и существует восточнее Эльбы и Немана. «Мы на Западе особенно уязвимы потому,— сеет панику Томпкинс,— что противостоящая нам форма правления была принята самыми населенными государствами, которые угрожают покорить мир с помощью чистого превосходства в численности, но, конечно, вооружены всеми средствами современной науки и техники»³⁹.

³⁴ W. J. Miller, H. L. Roberts, M. D. Shulman. The Meaning of Communism, N. Y., 1963, pp. 8—11, 30—31, 50.

³⁵ См. Г. З. Иоффе. О формировании и развитии англо-американской историографии Февральской революции 1917 г. «История СССР», 1967, № 2, стр. 157.

³⁶ А. Церетели. Воспоминания о Февральской революции, кн. II, Париж, 1963, стр. 417.

³⁷ Г. В. Вернадский. Очерк истории права русского государства XVIII—XIX вв., стр. 20.

³⁸ Stuart Ramsay Tompkins. The Triumph of Bolshevism: Revolution or Reaction? University of Oklahoma Press, 1967, pp. 291—297.

³⁹ Ibid., p. 40.

Среди проповедников «переноса огня» на историю КПСС предоктябрьского периода и первых послеоктябрьских лет есть и более искусные авторы, чем Томпкинс. Роберт Дэниэлс, опубликовавший в журнале «Russian Review» статью «Рискованная игра большевиков», начинает с анализа существующей историографии Октября. «Большинство историков-некоммунистов, — пишет он, — изображает большевистский переворот намеренным и злополучным отходом от того, что расценивалось как естественная эволюция России в сторону конституционной демократии. Согласно их точке зрения, успех большевиков объяснялся уникальными особенностями монолитной организации, блестящей софистикой и нестигаемой волей к власти, которая якобы характеризовала В. И. Ленина и его «инструмент» — большевистскую партию»⁴⁰. Критический настрой автора призван вызвать уважение и доверие читателей. Однако через несколько страниц Дэниэлс совершает кульбит и не только целиком присоединяется к раскритикованным им буржуазным историкам, но и развивает волюнтаристское «объяснение» Октября в духе, близком книге Томпкинса. Социалистическая революция, провозглашает он, вовсе не была объективно обусловленной или даже вероятной; ключом к ее пониманию должна служить «теория волевого наложения власти большевиков» на пассивные массы. Далее следует знакомый мотив: Октябрьский переворот сделал один В. И. Ленин⁴¹.

Конечно, не приходится удивляться тому, что буржуазные историки руководствуются методологической установкой, которая отмечает необходимость изучения социально-экономического развития, предшествующего революции в той или иной стране, пренебрегает анализом положения и настроений масс, предписывает искать причины исторических процессов в действиях отдельных лиц. Естественно и то, что при такой установке становление социалистического строя в России и странах народной демократии объясняется «коммунистическим заговором», «волевыми решениями» вождей компартий. Однако, не довольствуясь этим и пренебрегая элементарными этическими нормами, апологеты реакции стремятся вызвать антипатии к коммунистам, приписывая им самые дикие, немыслимые взгляды. Особенно глубокое возмущение вызывает преднамеренное очернение идеологами реакции образа В. И. Ленина, которое вылилось в целую кампанию в канун пятидесятилетия Октября.

Д. Кларксон ставит едва ли не рекорд по этой части договариваясь до того, что Ленин не верил в инициативу масс и даже «презирал» народ⁴². Томпкинс бьет в ту же точку, призывая читателя усомниться в том, что в 1903—1907 гг. Ленин настаивал на строгой дисциплине большевистской партии и соблюдении правил конспирации, так как опасался полицейских репрессий, — это, оказывается, было «лишь предлогом», скрывавшим его истинную цель: создание узкой касты сообщников⁴³. И такие огульно лживые утверждения исходят от людей, которые по роду своих занятий должны были бы по крайней мере хорошо знать биографию и труды вождя русской революции! Разве, «презирая» народ и стремясь от него отгородиться, Ленин стал бы руководить «рабочими кружками» 1890-х годов, да еще настаивать на переходе от пропаганды к революционной агитации? Разве «презрением» к русскому народу объясняется ленинская стратегия, выработанная еще в период первой русской революции, — стратегия союза пролетариата с крестьянством, а не с буржуазией, к чему призывали меньшевики? Разве, не веря в инициативу масс, мог Ленин провозгласить лозунг «Вся власть Сове-

⁴⁰ Robert V. Daniels. The Bolshevik Gamble. «Russian Review», October 1967, p. 331.

⁴¹ Ibid., pp. 337—338. Все эти домыслы в расширенном виде содержатся и в последней книге Дэниэлса «Red October», вышедшей в США в прошлом году.

⁴² Jesse D. Clarkson. Russia and the Future. «Russian Review», October 1967, p. 331.

⁴³ S. R. Tompkins. Op. cit., p. 291.

там!» в апреле 1917 г., когда тогдашние руководители Советов — меньшевики и эсеры ориентировались на буржуазное правительство?

Трудно сказать, на какую наивную аудиторию рассчитывают американские профессора. Возможно, они надеются, что, ознакомившись с их голословными, не подкрепленными никакими фактами заявлениями, читатель поленится просматривать ленинские труды и поверит им на слово. Но в таком случае напрашивается вывод, что время от времени трубадуры крайней реакции все же поступают неосмотрительно. Иначе как объяснить грубейший промах небезызвестного Бориса Суварина, который, утверждая, что у Ленина были «сомнения» относительно прочности Советской власти, взял да и отослал читателя к ленинской речи на III съезде Советов в январе 1918 г. Ленин, писал Суварин, вспомнил Парижскую Коммуну и отметил, что Республика Советов к тому времени прожила уже на пять дней больше Коммуны⁴⁴. Суварин здесь прав во всем, кроме того, что сравнение, проведенное Лениным, свидетельствует о каких-то его «сомнениях» в успехе социалистического эксперимента. Прочтя речь Ленина, читатель, наоборот, проникается неиссякаемым ленинским оптимизмом, его неистребимой верой в торжество рабоче-крестьянского дела⁴⁵.

Грубейшая фальсификация, натяжки, умолчания — вот, как видим, вторая характерная черта «контрпразднования» Октябрьского юбилея. Торопясь развить хотя бы временное контрнаступление на позиции коммунизма и перенося огонь с «ближних» целей на «дальние», идеологи реакции не замечают, что их снаряды даже не долетают до этих целей...

«Последнее слово» субъективизма

Выше речь шла об авторах, руководствующихся в своих изысканиях не сколько-нибудь рационалистическим подходом (разумеется, в рамках буржуазного рационализма), а сугубо эмоциональным, крайне враждебным отношением к коммунизму и СССР, которое, впрочем, и не скрывается. Отличаясь во многом от этих авторов, более умеренные буржуазные историки, по существу, сходятся с ними в одном: в отрицании закономерного характера Октябрьской революции. Мы не найдем у вторых буквального слепка концепции «революция — заговор» и порожденного этой концепцией тезиса о «жажде личной власти» В. И. Ленина как единственной причине Октября. Однако, говоря о причинах, обусловивших Октябрь, они называют исключительно субъективные факторы, которые могли бы влиять (и действительно влияли) на темпы развития революции, ее ход на отдельных участках борьбы, накал борьбы — но ни в коем случае не являлись решающими ни для начала революции, ни для ее исхода.

Скажем сразу, эти работы, приуроченные к пятидесятилетнему юбилею Советской власти, не добавляют ничего существенно нового к списку тех «если бы не...», с помощью которых Октябрьские события истолковывались десятки лет назад. Как и тогда, на первом плане стоят «недостатки» и «ошибки» предводителей монархистского и буржуазного лагерей, а также мировая империалистическая война — если бы не то и другое, внушают читателям, революции не было бы...

Верно, что исследования буржуазных авторов, содержащие критическую оценку деятельности русских буржуазных и мелкобуржуазных партий, в какой-то мере помогают — вопреки тому, что эта цель, как

⁴⁴ Boris Souvarine. The «Durability» of October. «Problems of Communism», March — April 1967, p. 81.

⁴⁵ «Мы находимся в гораздо более благоприятных обстоятельствах, — писал Ленин. — ... Наша социалистическая республика Советов будет стоять прочно» (В. И. Ленин. ПСС, т. 35, стр. 262, 279).

правило, не ставится, — западному читателю понять, что политика Временного правительства не отвечала насущным интересам масс. Однако выводы, следующие за конкретным разбором «ошибок» кадетов, меньшевиков и эсеров, искажают картину событий 1917 г. Рассмотрим один пример.

В январском номере журнала «Soviet Studies» за 1967 г. появилась развернутая рецензия на издание мемуаров Керенского в США и Англии⁴⁶. Рецензент, преподаватель Школы славянских исследований при Лондонском университете Джон Кип справедливо называет мемуары «апологией» собственной позиции Керенского в 1917 г., своеобразным «последним словом защиты»⁴⁷. Кип считает бездоказательными попытки Керенского (в который раз!) соединить имена Ленина и большевиков с интригами германского империализма в России и в этой связи указывает на «бесцеремонное» обращение Керенского с фактами. «Он был неспособен точно оценить численность сил, боровшихся против него, и направить правительственную политику по более последовательному и в то же время гибкому пути», — пишет автор рецензии о бывшем премьер-министре Временного правительства⁴⁸. Это так, и логически напрашивается заключение, что «неспособность» Керенского была прежде всего объективно обусловленной неспособностью кадетско-эсеровского блока удовлетворить требования масс и сдержать перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Но Кип не желает сделать даже этого первого шага от субъективизма к поиску объективных посылок Октября. «Неопытность и легко возбудимый темперамент, — пишет он о Керенском, — трагическим образом сделали его неподходящим для роли национального умиротворителя»; кроме того, Керенский допустил ошибку в отношениях с Англией и Францией — надо было шантажировать их угрозой сепаратного мира с Германией и добиться более существенной материальной помощи⁴⁹.

Как сам Керенский в свое время, Кип не в состоянии понять, что в 1917 г. в России усилия любого, даже самого гениального «умиротворителя» были обречены на провал — конфликт между широкими массами трудящихся, с одной стороны, буржуазией и помещиками — с другой, достиг такого накала, что мирное разрешение его «сверху» средствами буржуазно-демократического строя было невозможно. Равным образом не могла спасти Временное правительство и помощь Антанты, ибо вопрос о войне и мире был в 1917 г. стержневым для классовой борьбы в России. Кип упрекает союзников за то, что они «настаивали на участии России в войне, невзирая на последствия, которые оно могло возыметь во внутривосточной ситуации». С равным успехом можно было бы упрекнуть империалистические державы в том, что они вообще развязали мировую войну 1914—1918 гг.!

Ретроспективные «рекомендации» буржуазным политикам Антанты дать России возможность заключить сепаратный мир с Германией в 1917 г. — одна из тех «новинок», которые буржуазная историография припасла к пятидесятилетнему юбилею Октября. С аналогичной претензией на новизну читатель журнала «Soviet Studies» сталкивается в статье английского историка Роджера Петибриджа «Важность комму-

⁴⁶ «The Kerensky Memoirs: Russia and History's Turning Point», N. Y., 1965 (Lnd., 1966).

⁴⁷ «Soviet Studies», January 1967, p. 376.

⁴⁸ Ibid., p. 379.

⁴⁹ Ibid., p. 380. Кип утверждает, что Керенский был «отзывчив к давлению снизу» (стр. 376); «веру» Керенского в массы возносит Т. фон Лауэ («Soviet Studies», October, 1967, p. 171). А ведь накануне февральского восстания в Петрограде на вопрос о том, что надо сделать, чтобы успокоить бурлящие массы, будущий премьер Временного правительства дал предельно саморазоблачающий ответ: надо дать народу «свобод немножко»; «ну там, печати, собраний и прочее такое». «И это все?» — был задан ему вопрос. «Все пока», — отвечал Керенский. («История СССР», 1967, № 1, стр. 144).

никаций в 1917 г.». Автор подробно разбирает состояние средств сообщения и связи в России лишь для того, чтобы найти в нем ключ к объяснению краха Временного правительства. Большевики, пишет он, «умело использовали коммуникации», а правительство «во многих отношениях было изолировано»⁵⁰. Это было бы правильно, если бы Петтибридж пояснил, что все же главной «линией коммуникаций» для большевиков была теснейшая связь с массами, и именно от масс было изолировано Временное правительство. Однако цель статьи — подкрепить бытующий в буржуазной историографии тезис о том, что социалистический строй был навязан русскому народу «силой», — и в соответствии с нею автор акцентирует внимание на умении большевиков наладить эффективную конспиративную связь для «устройства Октябрьского переворота».

Знакомый нам уже Р. Дэниэлс низводит субъективистский метод до простого меркантилизма. Заявляя, что «случай поставил Ленина у власти, и случай оставил его у власти в течение последующих смутных дней», он уже не поднимает вопрос об отсутствии «ясного ума» и «твердой руки» в стане контрреволюции. «Исторический мираж», каковым, по его мнению, явилась Октябрьская революция, был вызван «непредвиденными событиями»: 25 октября в Петроград не подоспели казачьи войска, вызванные из Финляндии, а затем провалилась авантюра Керенского — Краснова⁵¹. Сравнивая рассуждения Дэниэлса с кадетской и эсеровской концепцией, а также трудами тех западных историков, которые возлагали «вину» за Октябрь на первую мировую войну и слабость русской буржуазии, мы видим, насколько обмельчала аргументация некоторых современных буржуазных авторов. Конечно, значение разгрома контрреволюционных сил у Пулковских высот для закрепления позиций новой власти и облегчения хода революции в других районах России очевидно. Но история подготовки, проведения и защиты Октябрьской революции от ее врагов складывается из многих подобных эпизодов, и, следуя логике Дэниэлса, можно было бы поставить ее исход в зависимость от исхода каждого из них. Тогда, как отметил У. Чемберлин, о котором речь пойдет ниже, «список «если бы да кабы» будет бесконечным»⁵².

Извращенное видение связи общего и частного, причин и следствий в революции у Дэниэлса дополняется еще и заведомой тенденциозностью в обращении с фактами, всемерным выпячиванием одних и полным игнорированием других. Известно, что Временное правительство, обеспокоенное нарастанием революционного кризиса, в ночь с 24 на 25 октября 1917 г. действительно потребовало от главнокомандующего Северным фронтом генерала Черемисова направить в Петроград казачьи части из Финляндии. Этот приказ не был выполнен, на чем и спекулирует Дэниэлс. Но прежде чем поспешно изрекать «если бы...» добросовестный историк обязан рассмотреть все «за» и «против» иного, чем было на деле, исхода. А Дэниэлс умалчивает о том, что в расквартированных в Финляндии частях влияние большевиков было весьма сильным — В. И. Ленин еще в конце сентября 1917 г. писал о «полном отколе» от правительства этих частей⁵³. Выборы в Учредительное собрание показали, что в 42-м корпусе, находившемся в Финляндии, большевиков поддерживало около 60% всех солдат, принявших участие в голосовании⁵⁴. На армейском съезде этого корпуса по призыву большевиков

⁵⁰ Roger Pethybridge. The Significance of Communications in 1917. «Soviet Studies», July 1967, p. 112.

⁵¹ «Russian Review», October 1967, p. 339.

⁵² «Russian Review», January 1967, p. 12.

⁵³ В. И. Ленин. ПСС, т. 34, стр. 278.

⁵⁴ П. А. Голуб. Партия, армия и революция. Отвоение партий большевиков армии на сторону революции. Март 1917 — февраль 1918, М., 1967, стр. 60.

было принято решение отвергнуть приказ Временного правительства о выводе корпуса из Финляндии и подчиняться только Финляндскому областному комитету армейских, флотских и рабочих организаций⁵⁵. Именно осознанием этой растущей революционности солдат, вывобождением их из-под контроля лояльного офицерства объясняется нерешительность генерала Черемисова, который не верил ни в дееспособность Временного правительства, ни в то, что войска поддержат его⁵⁶. Кстати, он все-таки направил в Петроград два самокатных батальона, которые были задержаны в 70 км от столицы. Несомненно, такая участь постигла бы и казачьи части, об отсутствии которых в Петрограде скорбит Дэниэлс.

Ставка контрреволюции на казаков как на свой последний оплот в октябре 1917 г. провалилась — упоминаемый Дэниэлсом факт разгрома войск Краснова под Пулковым еще более ярко свидетельствует об этом. И не только потому, что, будучи истинно народной, революция располагала подавляющим превосходством в людской силе⁵⁷. Оружием большевиков, помимо штыков, было и живое слово пропаганды, находившее отклик в солдатской гуще. Многие казаки были настроены нейтрально и хотели только одного — вернуться к своим семьям на Дон и Кубань. Другие начинали понимать, что офицерство вынуждает их воевать за чуждые им интересы. Именно поэтому большевикам удалось совершить необыкновенно дерзкую операцию — отправиться в Гатчину, где располагались казаки Краснова, убедить их в бесполезности сопротивления и подписать с ними договор, первый пункт которого гласил: «Передать Керенского в распоряжение военно-революционного комитета для предания гласному народному суду»⁵⁸. Сам Краснов признавал, что его войска находились в состоянии разложения, и у него не было шансов на успех⁵⁹. Краснов ждал и боялся того, что Дэниэлсу кажется «непредвиденным» сейчас, пятьдесят лет спустя!

Вряд ли, однако, можно найти лучший аргумент, свидетельствующий о несостоятельности рассуждений Дэниэлса, чем отнесение им к «случайностям» вслед за крахом авантюры Керенского — Краснова результаты всей гражданской войны в целом. О какой-либо логичности здесь, естественно, говорить не приходится. Но суть в том, что гражданская война как раз доказала, что Октябрьская революция не была случайным, верхушечным переворотом, удавшимся в силу благоприятного стечения обстоятельств. Три долгих года беспощадной борьбы между Советской властью и ее внутренними и внешними врагами исключили решающее вмешательство случая в судьбы революции. Народные массы могли реально, осязаемо сравнить политику большевиков с политикой эсеро-меньшевистских и белогвардейских «правительств», и они все сознательнее шли за первыми.

Субъективизм неизбежно порождает противоречия в трудах буржуазных авторов — эту истину хорошо иллюстрируют две статьи Уильяма Генри Чемберлина на страницах журнала «Russian Review», членом редколлегии которого он является. Американский историк Роберт Уорт так сказал о Чемберлине: «Его политические взгляды, отличавшиеся

⁵⁵ Там же, стр. 213.

⁵⁶ В разговоре со своим коллегой, главнокомандующим Западным фронтом Балуйным Черемисов прямо назвал «бесцельной и даже вредной» посылку войск в Петроград («Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы», М., 1957, стр. 415). Балуйев также не верил, что войска поддержат Временное правительство (там же, стр. 600).

⁵⁷ Абсолютно точно подсчитать соотношение сил войск Керенского — Краснова и защитников Октябрьской революции под Гатчиной, Царским Селом и Пулковым невозможно. В целом же в районе Петрограда 8 тыс. мятежникам противостояло более 100 тыс. красногвардейцев, солдат и матросов (См. П. А. Голуб. Указ. соч., стр. 232).

⁵⁸ «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде», кн. 2, Л., 1967, стр. 399.

⁵⁹ И. А. Голуб. Указ. соч., стр. 235.

сочувствием Советскому Союзу в 1920-х годах, стали полностью враждебными в течение последующего десятилетия, и он превратился в явно-го ультраконсерватора по большинству вопросов общественной политики»⁶⁰. Чемберлин, как и Кип, недоволен Керенским и упрекает его в нежелании «остановить активное ведение войны»⁶¹; как многие другие буржуазные историки, он верит, что Октябрьской революции могло бы не быть, «если бы первая мировая война задержалась на одно или два десятилетия, в течение которых материальный прогресс, особенно заметный между 1905 и 1914 гг., и, в первую очередь, столыпинская политика создания нового сильного класса фермеров-собственников могли бы привести к возникновению общества, гораздо менее чувствительного к экстремистской пропаганде»⁶². Однако тот же Чемберлин пишет о России начала XX в.: «Даже в нормальные мирные времена существовали мощнейшие центробежные силы, сдерживаемые железной рукой старого режима. Была неудовлетворенная жажда земли крестьянами. Было недовольство нерусских меньшинств. Была бездна, более глубокая, чем где-либо в Европе, между имущим и образованным меньшинством и бедным нищим невежественным большинством населения. Решение этих и других проблем было необычайно осложнено (подчеркнуто мною — Ю. И.) вовлечением России в войну, которая становилась все более непопулярной»⁶³.

О причинах такой двойственности позиции Чемберлина будет сказано несколькими строками ниже. Здесь же подчеркнем, что изобретение все новых «если бы да кабы», при наличии которых старый режим мог сохраниться в России, неизбежно оборачивается против тех, кто этим занимается. Чемберлин прав в том, что занятие сие легко продлить до бесконечности. И почему бы, например, буржуазным историкам, выискивающим доводы в пользу теории «случайности» Октября, не поразмыслить о тех «если бы», при наличии которых социалистическая революция могла произойти в России раньше или охватить другие европейские страны?

4. Попытки преодолеть субъективистские каноны

В книге «Русская революция 1917—1921 гг.», вышедшей более тридцати лет назад, У. Чемберлин, хотя и не писал об этом прямо, стоял на позициях закономерности прихода к власти большевистской партии⁶⁴. Затем, как отмечает Уорт, он повернул на 180° и примкнул к апологетам теории «случайности» Октября. Но в последнее время среди буржуазных историков начали раздаваться голоса, заявляющие о невозможности развития России по буржуазно-демократическому пути. По мнению этих историков, насущные задачи «модернизации» России (под чем имеются в виду индустриализация страны и связанные с нею изменения в облике города и деревни, общественных классов и слоев, культуре и науке и т. д.) могли быть быстро осуществлены только посредством планомерных централизованных решений, что исключалось при

⁶⁰ Robert D. Warth. *Historiography of the Russian Revolution*. «Slavic Review», June 1967, p. 259. В целом эта оценка, конечно, верна. Но думается все же, что Чемберлин противоречивее и, таким образом, сложнее, чем антикоммунисты типа Б. Вольфа и Дэниэлса. Эволюция его и нынешние позиции заслуживают специального разбора.

⁶¹ William Henry Chamberlin. *The First Russian Revolution*. «Russian Review», January 1967, p. 12.

⁶² W. H. Chamberlin. *The Short Life of Russian Liberalism*. «Russian Review», April. 1967, p. 152.

⁶³ «Russian Review», January 1967, p. 12.

⁶⁴ W. H. Chamberlin. *The Russian Revolution, 1917—1921*, vol. I, N. Y., 1935, pp. 223—240 (гл. «Бунт русской армии»); 242—258 (гл. «Крестьянские волнения»); 260—275 (гл. «Восстание рабочих»), 333, 335, 349—350. См. также W. H. Chamberlin. *Soviet Russia. A Living Record and a History*, N. Y., 1930, p. 29.

буржуазном правительстве типа Временного. Видимо, влияние этой точки зрения сказалось и на последних статьях У. Чемберлина. Указывая, что перед Россией стояли два пути — «решить социальные и экономические проблемы в рамках свободных институтов, компромиссов, взаимных уступок» (т. е. в рамках буржуазно-демократического строя) или «разрубить гордиев узел этих проблем методом революционной диктатуры» — Чемберлин со справедливым пессимизмом взирает на вероятность первого пути. Буржуазно-демократические свободы, пишет он в статье «Первая русская революция», достигаются «постепенно»; попытка мгновенно перейти от «полицейского государства» к режиму западноевропейского образца чревата взрывом «сплошной анархии»⁶⁵.

По сути, это краткое изложение концепции, разработанной другим американским историком, выходцем из Германии, ныне преподавателем Университета им. Вашингтона в Сент-Луисе Теодором фон Лауэ. Чемберлин обошел молчанием момент, занимающий важное место в работах Лауэ — невозможность в дооктябрьских условиях России такого быстрого экономического подъема, который позволил бы ей встать в один ряд с наиболее развитыми капиталистическими странами Запада. Что касается русской политической истории, то Лауэ предлагает следующую формулу, дающую ключ к пониманию его концепции: «В чуждых условиях (т. е. России времен революции 1917 г. и гражданской войны — Ю. И.) свобода вырождается в анархию», а преодоление анархии «подавляет» свободу⁶⁶.

Основные работы Лауэ⁶⁷ заслуживают особого разговора. Здесь отметим лишь, что Лауэ, как и подобает буржуазному ученому, понимает свободу и в традиционном буржуазно-парламентарном духе, не отличая свободы подлинной от свободы формальной, мнимой. Методологически его главный просчет заключается в фактическом отнесении свободы и анархии к явлениям одного порядка, изображении последней некоей крайней формой свободы⁶⁸. Историк же Лауэ, как и Чемберлин, совершенно неправомерно считает анархистские настроения основной характеристикой состояния русского общества в 1917 г., словно не желая замечать быстрого роста революционной сознательности масс, которая не имела ничего общего с анархизмом.

Это тем более удивительно, что в статье, цитата из которой была приведена выше, Лауэ подводит читателя к другим выводам, подчеркивая роль масс в революции и считая связь с ними революционных партий главным условием успеха революции. Февральский переворот, пишет он, пробудил к политической жизни «слои населения, которые традиционно стояли вне политики». Началось «соревнование всех творческих сил страны», в котором проверялась жизнеспособность каждой партии, умение использовать «скрытые возможности массовой политики в русских условиях»⁶⁹. Именно это соревнование быстро отmeldо кадетов, ибо

⁶⁵ «Russian Review», January 1967, p. 12.

⁶⁶ Theodore H. von Laue. Westernization, Revolution and the Search for a Basis of Authority — Russia in 1917. «Soviet Studies», October 1967, p. 179.

⁶⁷ T. H. von Laue. Sergei Witte and the Industrialization of Russia. N. Y.—Lnd., 1963; его же. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution, Philadelphia and N. Y., 1964.

⁶⁸ В США, где засилье монополий в экономике и влияние их на политику особенно велико, мелкобуржуазная среда постоянно порождает анархистские умонастроения, на которых спекулируют современные «ультраправые», выдвигающие демагогические требования ограничить вмешательство буржуазного государства в жизнь индивидуума (см., напр. R. E. Ellsworth, S. M. Harris. The American Right Wing. Wash., 1962, pp. 12, 29). Подобная демагогия характерна и для наиболее ярых антикоммунистов-советоведов. Так, Б. Вольф противопоставляет духовному миру советских людей своеобразный интеллектуальный анархизм, исключающий какие бы то ни было воспитательные функции общества в отношении индивидуума («Russian Review», April 1967, pp. 121—122).

⁶⁹ «Soviet Studies», October 1967, p. 160.

они не доверяли массам. Керенский «шел вправо», в то время как массы двигались влево. Что касается меньшевиков и эсеров, то их «лидеры никогда не рассматривали Советы как подходящую основу государственной власти, ибо, подобно либералам, считали их неспособными выполнять функции управления государством. Они восхваляли Советы как истинно русскую и революционную организацию, но не собирались исследовать их потенциальные возможности»⁷⁰.

Фактически ставя вопрос об участии масс в революции и управлении страной во главу угла при определении демократизма и реалистичности программ различных политических партий, Лауэ приходит к выводу, что в 1917 г. в России большевики были ближе к народу, чем их противники. Изучение трудов В. И. Ленина позволяет американскому историку резюмировать: «С самого начала революции Ленин более ясно, чем его соперники, сознавал, что политика в век империализма является массовой политикой»; только он поверил в то, что массы могут справиться с «монументальными задачами государственного управления и модернизации, стоявшими перед Россией»⁷¹. Признание роли масс в Октябрьской революции и веры большевиков в созидательные способности народа говорит о стремлении Лауэ преодолеть каноны субъективистского подхода и выгодно отличает его от подавляющего большинства буржуазных историков. Однако, наряду с этим положительным ядром, статья Лауэ содержит и положения, вызывающие решительные возражения.

Словно спохватившись, что уходит слишком далеко от привычной трактовки ленинизма буржуазной историографией, Лауэ вводит в анализ вопроса о «массовой политике» и партиях в России 1917 г. мотив «бессознательного дуализма» в мышлении В. И. Ленина. Дуализм этот проявлялся, по Лауэ, в том, что Ленин одновременно и доверял и «не доверял» массам, опасаясь разгула мелкобуржуазных и анархистских устремлений. Какие же доказательства он приводит? «Даже призывая к революционному энтузиазму, Ленин подчеркивал необходимость строгой организации и товарищеской дисциплины», — пишет Лауэ, обращая внимание читателя на речь Ленина на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов в мае 1917 г. В этой речи Лауэ выделяет слова о необходимости всеобщей трудовой повинности при социализме, о том, что социалистические преобразования потребуют «напряжения, решимости и энергии каждого отдельного крестьянина и рабочего у себя на месте в том деле, которое он знает, в том производстве, которое он десятки лет ведет»⁷². Лауэ называет эти слова призывом к специализации, якобы противоречащим взглядам, высказанным Лениным в «Государстве и революции». Свидетельством «дуализма» Ленина Лауэ также считает тот факт, что Советская власть прибегла к услугам буржуазных специалистов; венчает его рассуждения вывод, абсолютно из них не вытекающий, но близкий к тезисам историков-субъективистов: Ленин не считал Советы целиком приемлемым и надежным органом государственной власти⁷³.

Пусть останется на совести Т. фон Лауэ противоречие, в которое он впадает со всей логикой своей статьи. Но как можно строить столь важные выводы на общих и бездоказательных фразах?

Конечно, в стране с преобладанием крестьянского населения, какой была Россия, мелкобуржуазная стихия весьма заметно проявлялась не только после Февральской революции, но и до нее, в годы войны, и именно эта стихия обусловила первоначальное эсерово-меньшевистское влияние в Советах. Вождь большевиков лучше, чем кто-либо видел, какие опасности таят разгул шаткой, неустойчивой мелкобуржуазной

⁷⁰ Ibid., p. 174—175.

⁷¹ Ibid., p. 176. Лауэ основывается на таких ленинских работах, как «Письма из далека», «Письма о тактике», «Задачи пролетариата в настоящей революции» и др.

⁷² В. И. Ленин. ПСС, т. 32, стр. 188.

⁷³ «Soviet Studies», October 1967, p. 178.

стихии и «вывороченный наизнанку буржуазный индивидуализм» — анархизм для развития революции⁷⁴. Однако вся ленинская теория социалистической революции основывалась на убеждении, что рабочий класс и его наиболее сознательный авангард поведут за собой большинство трудящихся как на свержение буржуазного правительства, так и на строительство нового общества. Только вставши сам на анархистские позиции, историк может объяснить недоверием к массам призывы Ленина к дисциплине и организованности в работе. Разве неясно, что в стране, доведенной до грани хозяйственной разрухи, первейшей задачей которой, как пишет сам Лауэ, было «обеспечение продовольствия и стабилизация экономики»⁷⁵, требовался сознательный, добросовестный, вдохновенный труд рабочих и крестьян прежде всего именно «на своих местах», т. е. на производстве? Здесь нет никакого противоречия с содержанием труда «Государство и революция», где одной из предпосылок осуществления пролетарской демократии названы «обучение и дисциплинирование» миллионов рабочих крупным, сложным, общественным аппаратом почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банковского дела и т. д. и т. п.»⁷⁶.

На позициях, близких Т. фон Лауэ в истолковании происхождения и значения Октября, стоит Лайонел Кочен, преподаватель современной истории Европы в Университете Восточной Англии. Октябрьская революция, пишет Кочен в финале своей книги «Россия в революции, 1890—1917», являлась «попыткой преодолеть отсталость»; эта попытка удалась, и хотя она не является единственным примером для современных развивающихся стран, «ее, безусловно, можно рассматривать как один из путей, посредством которого можно преодолеть тяготы отсталости»⁷⁷.

Ограниченность места не позволяет рассмотреть книгу Кочена в полном объеме; обратимся поэтому к освещению в ней событий 1917 г. Подробно останавливаясь на эволюции русских социал-демократических партий, автор подчеркивает разницу в отношении большевиков и меньшевиков к важнейшим вопросам стратегии и тактики революции. Если меньшевики, пишет он, «ошибочно» провозглашали гегемонию буржуазии в борьбе с самодержавием, закрывая глаза на ее слабость и зависимость от последнего, а революционный потенциал крестьянства игнорировали, то большевики справедливо считали либеральную буржуазию своим врагом, а крестьянство союзником («Ленин рассчитывал на совместное выступление рабочих и крестьян против старого режима»). «Не менее дальновидной была ленинская оценка Советов... Динамичный взгляд Ленина на Советы как на зародыш революционного правительства под независимым руководством партии резко контрастировал с пассивной ролью рабочего съезда, отводимой им меньшевиками»⁷⁸.

Кочен пишет о привлекательности большевистской программы «мира, земли и свободы» для широких слоев населения России; что касает-

⁷⁴ См., напр., ст. «Из какого классового источника приходят и «придут» Кавеньяки?» (В. И. Ленин. ПСС, т. 32, стр. 343—346; см. также, т. 41, стр. 14—17).

⁷⁵ «Soviet Studies», October 1957, p. 161

⁷⁶ В. И. Ленин. ПСС, т. 33, стр. 100. Ленин писал далее, словно предвидя подобные ложные истолкования политики Советской власти в отношении «спецов»: «Не надо смешивать вопрос о контроле и учете с вопросом о научном образовании персонала инженеров, агрономов и пр.: эти господа работают сегодня, подчиняясь капиталистам, будут работать еще лучше завтра, подчиняясь вооруженным рабочим» (стр. 101).

⁷⁷ Lionel Kochan. Russia in Revolution, 1890—1918, N. Y., 1966, p. 283. «Большевики, — пишет Кочен, повторяя лейтмотив книг и более ранних статей Лауэ, посвященных Витте и промышленному развитию России конца XIX — начала XX вв. — вернулись к традиционному образцу индустриализации России, который предусматривал зажатие в тиски внутреннего потребителя и особенно крестьянина, а также введение политики самонаправляемых капиталовложений и национального плана, сопровождаемое развитием идеологии, оправдывающей индустриальные жертвы ради интересов государства».

⁷⁸ Ibid., p. 135.

ся меньшевиков и эсеров, то они «не сумели добиться демократического мира (а, коль на то пошло, какого бы то ни было мира вообще), пытались блокировать крестьянское движение и мирились с постоянным откладыванием выборов в Учредительное собрание». Проводя соглашательскую политику в Советах и вынуждая последние на «постоянные уступки правительству», меньшевики и эсеры постепенно теряли влияние в массах⁷⁹. Напротив, влияние большевиков возрастало; революционизация масс вызвала к жизни «народный большевизм в действии». В августе 1917 г., пишет Кочен, «для большевиков в действительности не было нужды выходить на улицы. «Улицы» начали сами приходить к большевикам». Этот процесс протекал еще более широко и интенсивно осенью, что и привело к победе возглавлявшегося партией Ленина восстания⁸⁰.

В книге Кочена, так же как и в статье Лауэ, есть немало мест, свидетельствующих о методологической ошибочности подхода, упрощенной трактовке ленинской теории социалистической революции и самих Октябрьских событий. Так, английский историк не в состоянии понять, что снятие партией лозунга «Вся власть Советам!» летом 1917 г. было вызвано не изменением ее отношения к Советам как к таковым, а капитулянтством эсеров-меньшевистской верхушки Советов перед Временным правительством (что, как мы видели выше, он признает сам); большевики никогда не переставали вести активной деятельности в низовых Советах⁸¹. Кочен полагает, что линия Каменева и Зиновьева на срыв вооруженного восстания выгодно отличалась от курса Ленина; предпочтительной альтернативой Октябрьской революции он считает легальное установление «демократической диктатуры рабочих и крестьян». Нет смысла возвращаться к давно решенному внутрипартийному спору и воскрешать аргументы оппонентов Ленина. Но если исходить не из абстрактно понимаемого демократизма, а из демократизма реального, конкретного, предусматривающего заботу об интересах масс (а Кочен сам признал, что большевики выражали эти интересы; известно ему и то, что большевиков поддерживали левые эсеры, обладавшие немалым влиянием в крестьянской среде), то отказ взять власть с помощью оружия, пока это было возможно, явился бы преступлением перед народом. Альтернативой Октябрю было бы усугубление экономического кризиса, стихийные вооруженные выступления масс, чьи требования остались бы невыполненными, сплочение сил реакции и в итоге кровопролитная гражданская война.

Если оценивать работы Кочена и Лауэ в целом, то следует отметить половинчатость их отхода от субъективизма. Сделав важные выводы о закономерности и народности Октябрьской революции, они все же считают ее специфически русским явлением, рожденным исключительно особыми условиями России как страны, где отсталость и феодальные пережитки уживались с развитием капитализма⁸². Правда, авторы этого направления допускают, что социалистический путь, как способ

⁷⁹ Ibid., pp. 211, 247—249.

⁸⁰ Ibid., pp. 254, 267—68. Отметим как положительное и нечастое в буржуазной историографии явление то, что в списке библиографии Кочен указывает целый ряд работ советских авторов — как монографий (напр., книги А. М. Панкратовой, Е. Д. Черменского, А. Г. Рашина, С. М. Дубровского), так и статей (напр., статью И. Ф. Гиндина, В. И. Бовыкина, К. Н. Тарновского о государственно-монополистическом капитализме в России и ряд других статей в журналах «История СССР» и «Вопросы истории»).

⁸¹ См. А. М. Андреев. Советы рабочих и солдатских депутатов, М., 1967; Б. М. Морозов. Партия и Советы в Октябрьской революции, М., 1966; О. Н. Моисеев в. Советы крестьянских депутатов, М., 1967 и др.

⁸² Конечно, нельзя смешивать концепцию Лауэ исторической обусловленности «модернизации» России средствами «революционной диктатуры» с концепцией, «объясняющей» те или иные характерные черты советского общества «наследием» времен

быстрейшего преодоления экономической отсталости, годен и для ряда стран Азии, Африки, Латинской Америки. Но они отказывают социализму в «правах гражданства» на Западе, считая развитые капиталистические страны «иммунными» к социалистической революции и тем самым отрицая универсальность действия общественных законов.

Неспособность буржуазных ученых понять, что Октябрь знаменует начало эпохи смены капитализма социализмом в глобальном масштабе, является само собой разумеющейся, обусловленной их буржуазным мировоззрением. Признать этот процесс для буржуазного автора равносильно превратиться в марксиста. Однако, оставаясь на своих классовых позициях, Лауэ и Кочен все же делают попытки глубже проникнуть в суть событий 1917 г. в России, признают народный характер Октябрьской революции, близость большевиков к массам, соответствие большевистской программы насущным интересам страны.

5. Несколько слов о новых популярных изданиях

Время от времени на Западе выходят книги по истории СССР, рассчитанные на самого широкого и несведущего читателя, — они, как школьные учебники, написаны несложным языком, снабжены иллюстрациями и лишены научного аппарата. Отличает их от учебников несравненно более богатое оформление, изобилие рисунков и фотографий, в том числе цветных. Типографская роскошь и красочность таких изданий особенно бросаются в глаза, если они печатаются такими мощными газетно-журнальными концернами как херстовская или люсовская прессы в США. Но столь же заметны и обычные для них откровенная антисоветчина и дилетантизм в изложении русской истории. Наибольшую известность стяжали в этом отношении уже упоминавшаяся фальшивка «Смысл коммунизма», «Иллюстрированная история России» под редакцией С. Мартина, «Россия» из серии «Всемирной библиотеки «Лайфа»»⁸³.

В 1966 г. в Англии вышло сразу три иллюстрированных издания по истории нашей страны. Они отличаются друг от друга форматом, доступностью изложения, тематическими и хронологическими рамками. Книга Элизабет Робертс «Ленин и падение царской России» посвящена в основном жизни и деятельности В. И. Ленина с 1870 по 1917 гг. и лишь попутно затрагивает остальные вопросы русской истории этого периода⁸⁴. Книга Джона Кеннета «Развитие современной России» излагает события с середины прошлого века вплоть до наших дней⁸⁵. «История России для студентов» Шейлы Джонс охватывает весь многовековой путь, пройденный нашей страной⁸⁶. Однако есть в этих книгах нечто, позволяющее объединить их и противопоставить (разумеется, оговорив наличие множества ошибок, умолчаний и упрощений) опусам типа «Смысл коммунизма».

татаро-монгольского ига, Ивана Грозного, последних Романовых. Авторы, строящие свои труды на подобных псевдоисторических параллелях, как правило, игнорируют вопросы социально-экономического развития России и, в первую очередь, роль масс, а в оценке Октябрьской революции придерживаются теории «случайностей», даже не ставя вопроса о ее закономерности. Из тех, о ком речь шла в данной статье, типичным представителем этого направления можно считать С. Томпкинса; из других — Г. Кона (см. о нем Ю. Ф. Карякин, Е. Г. Плимак. Указ. соч.); характерны сборники статей «Преемственность в изменениях в русской и советской общественной мысли» («Continuity and Change in Russian and Soviet Thought», ed. by E. J. Simmons, Cambridge, Mass. 1955) и «Русская внешняя политика» («Russian Foreign Policy», ed. by Ivo Lederer, N. Y., 1961).

⁸³ «A Picture History of Russia», ed. by J. S. Martin, N. Y., 1956; Ch. W. Thayer. Russia. «Life World Library», N. Y., 1961.

⁸⁴ Elizabeth Mauchline Roberts. Lenin and the Downfall of Tsarist Russia, Lnd., 1966.

⁸⁵ John Kennett. The Growth of Modern Russia, Glasgow and Lnd., 1966, 112 p.

⁸⁶ Sheila Jones. A Student's History of Russia, Lnd., 1966.

Д. Кеннет — искренний приверженец капиталистического строя. Он настойчиво подчеркивает, что со времен Маркса капитализм изменился настолько, что марксистский анализ уже неприменим к нему. Он — как Джонс и Робертс — искаженно представляет суть социалистической демократии, подменяя понятие «диктатуры пролетариата» понятием «диктатура партии». Но если учесть, что вопрос о диктатуре пролетариата (как и вопрос о всемирном значении Октябрьской революции) служит одним из тех последних фильтров, которые позволяют отделить марксистское мировоззрение от буржуазного, то легко понять, что эту грань Кеннет просто не может перейти, оставаясь Кеннетом... Зато Кеннет сообщает читателю вещи, которых читатель не найдет в изданиях типа лайфвского. Идеи Маркса, пишет он, «возбудили воображение миллионов, изменили ход истории и оказывают влияние по сей день»; в 1917 г. русский народ «проникался все большими симпатиями к большевикам»; в гражданской войне «за большевиками стояли фабрично-заводские рабочие», а крестьяне «боялись возвращения ненавистных помещиков в случае победы белых»; в ходе пятилеток «допускались ошибки и было много трудностей», но «прогресс оказался изумительным. Индустриальная Россия сегодня — результат тогдашнего планирования»⁸⁷.

А вот что мы читаем в книге Джонс: «Большевистская революция 1917 г. была началом новой эры в истории России и, возможно, в мировой истории. Не большевики создали революционную ситуацию в 1917 г. Она родилась из широкого недовольства социальными условиями и самодержавным строем, породив еще восстание 1905 г.»⁸⁸. Отталкиваясь от этой правильной посылки, Джонс (несмотря на ряд неверных положений) также делает вывод о закономерности Октябрьской революции.

Элизабет Робертс следующим образом оценивает роль В. И. Ленина в истории России XX в.: «Ленин, хотя и был великим вождем, умевшим вдохновлять людей, не мог бы успешно осуществить революцию, если бы русский народ в течение многих лет не испытывал глубокого недовольства условиями жизни и государственным строем своей страны... Ленин стоял на стороне бедных, голодных и обездоленных. Его революция была их победой над богатыми, сытыми и власть имущими. Вот почему его имя и труды почитаются в СССР поныне»⁸⁹.

Авторам популярных пособий по истории СССР можно адресовать целый ряд упреков в упрощенчестве, поверхностном подходе, фактических ошибках. Ш. Джонс по трафарету, принятому в учебниках Запада, строит повествование по принципу «от царя к царю»; вот названия ряда глав ее книги: «Правление Ивана Грозного», «Первые Романовы», «Новая Россия Петра», «Преемники Петра», «Екатерина Великая», «Правление Николая I», «Реформы Александра II», «Реакция при Александре III». Д. Кеннет снабжает свое издание историко-географической картой СССР, где отмечено село Покровское — родина Распутина, но нет Ульяновска — родины Ленина, где Свердловск фигурирует только как место казни Николая II, а Мурманск и Архангельск — как «базы снабжения английских конвойных судов во второй мировой войне». Э. Робертс объявляет, что В. И. Ленин понял роль крестьянства в революции благодаря... попу Гапону⁹⁰. Но оценивая книги Робертс, Джонс и Кеннета в целом, надо прежде всего помнить, что в учебниках, популярной литературе и широкой прессе Запада дается не просто искаженное, но примитивно-искаженное толкование основных событий истории СССР, особенно новой и новейшей истории. Тут не найдешь частого слова, которыми обычно огораживают антисоветские выпады дипломатизированные авторы «академических» трудов. Например, в вышедшей в

⁸⁷ J. Kennett. Op. cit., p. 1, 57, 66.

⁸⁸ Sh. Jones. Op. cit., p. 127.

⁸⁹ E. M. Roberts. Op. cit., pp. 9, 93.

⁹⁰ Ibid., p. 43.

1962 г. в США книге некоего Генри Москоу «Россия при царях» Октябрьская революция объяснялась просто тем, что Ленин и большевики «возбуждали толпу»; в книге Тэйера столь же просто утверждается, что в СССР «славяне господствуют над остальной частью населения»⁹¹. Читатель, подобно «Алисе в стране чудес» попавший в плен этих фальшивых представлений, свыкается с ними и воспринимает как истину в последней инстанции. Опровергнуть эту «истину» может только знакомство с марксистской литературой на английском языке — но она, увы, по понятным причинам издается несравненно меньшим тиражом и не так красочно оформлена. Поэтому в книгах, рассчитанных на широкого читателя, любой отход от шаблонных антикоммунистических мифов важен вдвойне. Тем более, что при сравнении рассмотренных популярных изданий с рассчитанными на историка-специалиста монографиями Каткова и Томпкинса последние, невзирая на все свои научные атрибуты, оказываются намного более тенденциозными и предвзятыми, намного более зависимыми от политических целей современного антикоммунизма.

* * *

Когда к концу прошлого года стало казаться, что поток «юбилейных» статей английских и американских советоведов иссякает, вышел октябрьский номер журнала «Foreign Affairs», открывающийся статьей Джорджа Кеннана «Русская революция — ее природа и последствия». Эта статья в известной мере отразила противоречия современной буржуазной историографии Октября, которая пытается отстоять консервативные позиции, сложившиеся в 20-х, 30-х и особенно 50-х годах под влиянием «холодной войны», но вынуждена вносить в них существенные изменения, связанные с новой оценкой стабильности социалистического строя, соотношения сил на международной арене, роли СССР в современном мире.

Кеннан, как и Чемберлин, не может пройти мимо той тенденции в буржуазной историографии, которая, выполняя самозащитные функции с точки зрения интересов капиталистического строя, стремится «сблизить» капитализм и социализм, изобразить смену общественных формаций как простой переход от экономической и научно-технической отсталости к зрелой индустриальной стадии. В его статье это выразилось в распространении понятия «русская революция» не только на все события 1917 г., но и на всю послеоктябрьскую историю СССР⁹². Сомнения терзают Кеннана, когда он пытается оценить роль войны в крахе самодержавия: сначала он называет столыпинские реформы «широкой программой модернизации», которая якобы успешно осуществлялась к 1914 г., а далее все же склоняется к выводу, что царизм рано или поздно должен был пасть из-за «несовершенства политической системы».

Характерен подход Кеннана к вопросу о причинах Октябрьской революции. «Есть соблазн заявить, что большевики победили в силу того, что среди их главных политических противников не было единства и никто из них, во всяком случае, не был сколько-нибудь способен руководить страной, — пишет Кеннан. — Но было бы упрощением приписывать успех коммунистов только этим негативным факторам»⁹³. Фраза многообещающая. Что-то Кеннан отнесет к «позитивным» фак-

⁹¹ Henry Moscow. Russia Under the Czars, N. Y., 1962, p. 141; Ch. W. Tayer. Op. cit., p. 18.

⁹² Крах самодержавия, пишет Кеннан, «мог быть лишь первой фазой огромного процесса, который мы имеем в виду, когда говорим о русской революции. Даже так называемая Октябрьская революция... не дала окончательного ответа на этот вопрос». (George F. Kennan. The Russian Revolution — Its Nature and Consequences. «Foreign Affairs», October 1967, p. 5).

⁹³ Ibid, p. 7.

торам, обусловившим революцию, попробует ли он заглянуть в «суть» дела? Увы, этого не происходит. Кеннан справедливо отмечает партийную дисциплинированность большевиков, величие В. И. Ленина как вождя революции, умелое руководство Красной Армией в гражданской войне, но упрямо не хочет видеть глубоких, коренных предпосылок событий 1917 г., сделавших неизбежными как Февраль, так и Октябрь.

Оставаясь верным субъективному методу, Кеннан, в отличие от Дэниэлса, Вольфа и Томпкинса, не считает коммунизм злом, виновным во всех бедах, которые ныне претерпевает капиталистический мир. Он способен отдать дань уважения успехам страны Советов, достигнутым за полвека развития именно по социалистическому пути. Приведем интересное и ценное признание этого искушенного историка и дипломата: «Те из нас на Западе, кто никогда не могли согласиться с правильностью классических посылок марксизма-ленинизма и даже сомневались в том, что они имеют какое-либо отношение к основным социальным и экономическим проблемам нашего времени, обязаны увидеть на примере СССР, что такие качества, как преданность, решимость, дисциплина и самопожертвование ради политических целей, приводят к успеху и по своему вознаграждаются, независимо от правильности идеологии, вдохновляющей их. Концепции и цели людей, стоящих у власти, всегда до известной степени являются мечтами, но ведь во власти людей претворить эти мечты в реальность с помощью решимости и энтузиазма... Даже те на Западе, кто подвергают сомнению цели Советов и неоднократно выступали против средств, с которыми эти цели осуществляются, обязаны ныне, у полувекового рубежа, признать, что мечты Русской Революции стали внушительной реальностью. Мы должны с уважением признать, что нынешние носители русской революционной традиции (хотя мы не можем симпатизировать их идеям) сыграли большую роль в формировании реального мира нашего времени. Их революция ныне безоговорочно стала составной частью истории»⁹⁴.

Чем бы ни были продиктованы эти строки — привычкой дипломата отдавать дань уважения празднующей свой юбилей стране (пусть и стоящей на другом полюсе общественного развития) или надеждой на осуществимость социально-идеологической «конвергенции» двух систем в будущем, — они примечательны признанием негодности тех самых «крайностей» в оценке Октябрьской революции и социалистического строя, которые антикоммунизм стремится сделать основой своей идеологии и политики.

Рационализм Кеннана вряд ли придется по душе той части буржуазных историков, социологов и публицистов, которые стоят на самом краю правого фланга советоведения и которых несколько лет назад Л. Лабедзь метко назвал «демонологами»⁹⁵. Как мы видели, для «контрпразднования» требовались совсем другие «идеи»: гальванизация отживших мифов, подкрепление их высосанными из пальца «доказательствами», очернение Октябрьской революции и социализма в целом. В чем-то отправные посылки «демонологов» и более умеренных советоведов неизбежно сходятся; это прежде всего субъективистский подход, сводящий сложный путь истории к действиям отдельных лиц и воле случая. Но внутри умеренного направления буржуазной историографии учащаются попытки преодолеть каноны субъективизма, представить возникновение, ход и результаты революций 1917 г. в широкой исторической перспективе с учетом социальных и экономических факторов. Видимо, столкновение этого направления с традиционными концепциями и догмами, которое можно было наблюдать в год пятидесятилетия Октября, не раз проявится и впредь.

⁹⁴ Ibid., p. 21.

⁹⁵ «Survey», April 1964, pp. 39.